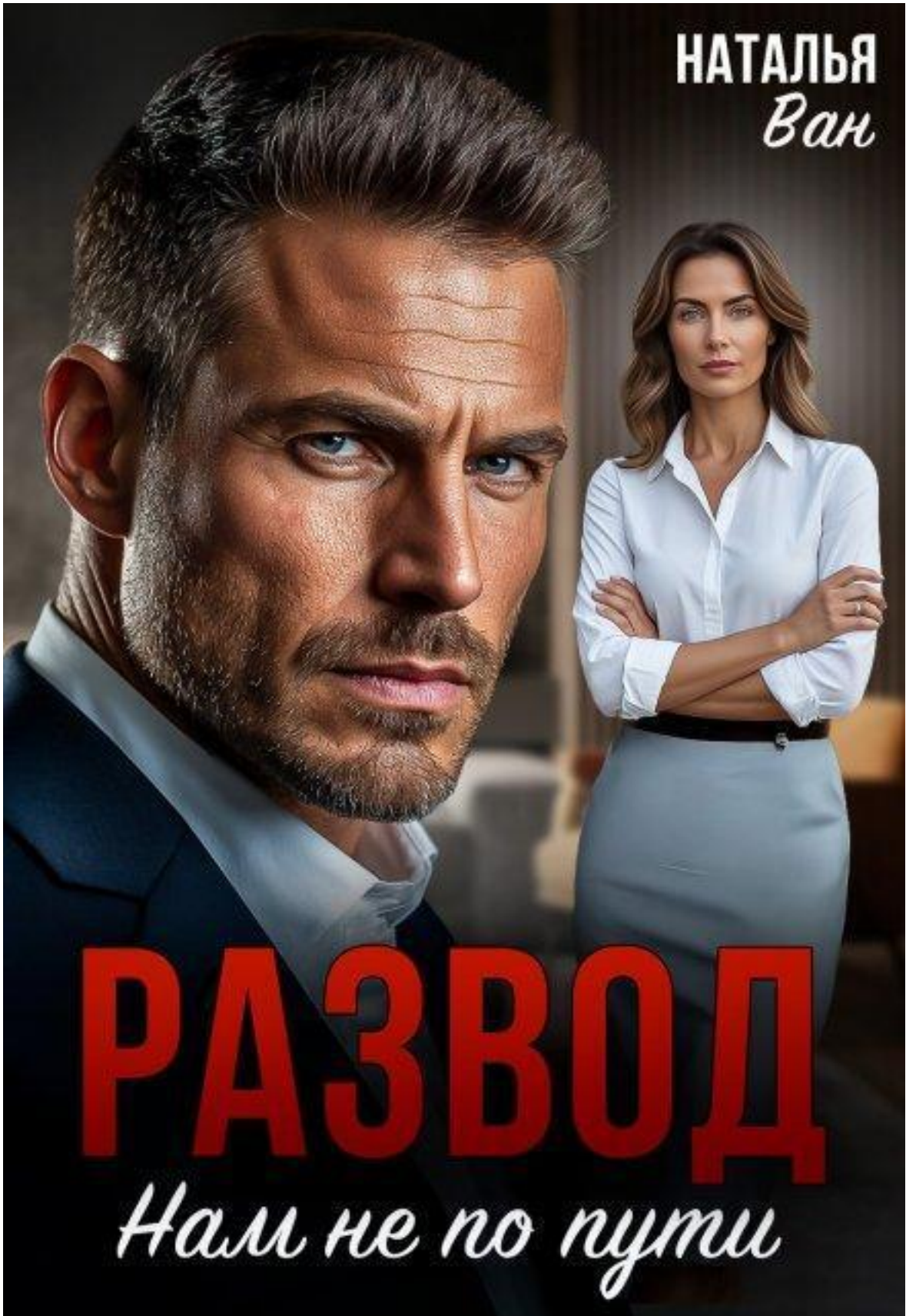

НАТАЛЬЯ
Ван

РАЗВОД

Нам не по пути

Наталья Ван

Развод. Нам не по пути

«Литнет»

2025

Ван Н.

Развод. Нам не по пути / Н. Ван — «Литнет», 2025

— Серёж, сколько ещё ты собираешься жить на две семьи? У нас скоро родится второй ребенок. Ему нужен отец, — я слышу голос сестры, и ноги сами прирастают к месту. — Поставь уже точку в отношениях со своей женой. — Юль, давай потише, а то она услышит..., — мой муж как всегда осторожен, но в его голосе страх. — Сейчас не самое подходящее время. — И что ты предлагаешь? Ждать, пока нашим детям стукнет восемнадцать? Моя жизнь раскололась на «до» и «после» в день рождения нашей дочери. За семейным столом собрались все: мой муж, дочь и... моя двоюродная сестра, которая носит уже ВТОРОГО ребенка от моего мужа.

© Ван Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Визуализация героев	10
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	38
Глава 15	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Света

Я ловлю себя на том, что уже в третий раз поправляю идеально ровную салфетку. Пальцы сами тянутся к столовым приборам, проверяя расстояние между тарелками — ровно два сантиметра, как учила мама. В воздухе витает аромат запеченной утки и свежее испеченной шарлотки — Мирина любимая.

— Мира, гости скоро придут? — слышу собственный голос, звучащий чуть более взволнованно, чем хотелось бы.

Мира, не отрываясь от телефона, закатывает глаза, но её губы растягиваются в счастливой улыбке.

— Мам, ну сколько можно! Через десять минут, максимум. Расслабься уже!

Её радость заразительна. Я ловлю себя на улыбке, проводя рукой по её шелковистым волосам — таким же, как у Сергея. Моя девочка. Наша девочка. Единственная и такая долгожданная.

— Ты кого в итоге позвала-то? Я так понимаю, твой день рождения обещает быть шумным? — спрашиваю, чтобы заполнить паузу, пока проверяю, все ли на месте.

— Да всех, мам! Папа так редко может проводить мой день вместе с нами, что я разошлась. Позвала близких подруг и всю родню. Даже Юльку пригласила!

Моя рука замирает над серебряной ложкой.

— Юльку?

— Ну да, твою двоюродную сестру. Ты же знаешь, что у неё второй ребенок уже вот-вот родится?

В горле внезапно пересыхает.

— Второй? Она... родила?

Мира разражается смехом.

— Ты что, правда не в курсе? У неё же дочке уже два года!

— Не знала...

В ушах начинает звенеть. Юля. Та самая Юля, с которой мы когда-то были не разлей вода беременна во второй раз, а я и не знала.

Сейчас наше общение почти свелось на нет. Она стала для меня почти чужой, но я все еще тоскую по тем временам, когда мы могли болтать сутками напролет.

— Мам, ты же не против ее визита?

— Нет, конечно. Это же твой праздник, и если ты ее пригласила, то я не против.

Из кухни доносится звон бокалов — это Сергей наливает шампанское. Его смех сливается с музыкой, доносящейся из Мириной комнаты. Всё так... нормально. Так привычно.

— Кого, говоришь, ты позвала? — его голос звучит неожиданно близко.

Мира смеется.

— Пап, ну ты даёшь! Юльку. Мамину сестру, не говори, что забыл ее.

Тишина. Слишком долгая тишина.

Я оборачиваюсь. Сергей стоит, сжимая бутылку так, что белеют костяшки пальцев. Его лицо — маска спокойствия, но я-то знаю эту едва заметную дрожь в уголке рта.

— Кхм, не забыл, — бросает он через плечо и торопливо уносит тарелку с канапе обратно на кухню.

— Пап! — Мира кричит ему вслед. — Куда ты ее потащил?

— Ой, да. Что-то я, видимо, тоже немного перенервничал. Давно вот так не собирались все вместе.

Что-то здесь не так. Я вижу это по поведению мужа, но вот что именно понять не могу.

Дверной звонок разрезает напряжение.

— Они приехали! — Мира стремглав бросается в прихожую.

Я медленно иду следом, поправляя складки на новом платье. В дверях стоит Юля. Беременная, цветущая, с характерным румянцем на щеках. Рядом копошится маленькая девочка в пышном платье.

— Привет, Светик! — голос сестры звучит тепло, но в глазах какая-то странная настороженность. — Давненько мы с тобой не виделись.

— Привет, — отвечаю автоматически, замечая, как девочка прячется за мамину юбку.

Сергей появляется в дверном проёме бледный как призрак. Его взгляд остекленевший.

И происходит то, что переворачивает всё с ног на голову.

Маленькая девчушка делает робкий шаг вперёд, её глазёнки загораются, и она неожиданно выкрикивает...

— Папа!

Глава 2

Света

Стекло бокала холодное под пальцами, но я чувствую, как дрожь в руке заставляет его тихо звенеть. Сергей усмехается, но в его усмешке чувствуется какая-то натянутость, будто он пытается скрыть напряжение. Он осторожно берет ребенка на руки, но я замечаю что это выглядит слишком естественно, слишком привычно.

— Ой, как легко она сказала “папа”! — Юля смеется, но смех звучит немного резко, как будто она сама удивилась произошедшему, но мне совсем не смешно.

Я вижу их взгляды. Они встречаются глазами всего на мгновение. Недолгий разговор, ничего необычного. Едва заметная искра узнавания. Но мне этого хватает.

Мира нервно хихикает, чувствуя, что атмосфера натянулась, как струна.

— Ну все, теперь у меня есть младшая сестра! — шутит она и пытается улыбнуться, но уголки ее губ нервно подрагивают.

— Свет, да ты так не напрягайся, — смеется Юля, оправдываясь. — Она еще маленькая. Всех мужчин папами называет.

— И где же твой муж? Его не смущает такое обращение? — мой голос звучит натянуто равнодушно.

— Он... да у него как обычно дела, — отмахивается она, искоса поглядывая на моего мужа.

— Теть Юль, вы... проходите. Я рада, что вы смогли приехать, — отмирает Мира.

Гости прибывают. Подруги дочери, родственники, все так по-семейному, но я никак не могу расслабиться.

Вокруг звучит искренний смех, музыка, шампанское пенится в бокалах. Но я больше не слышу слов. Вижу только руки моего мужа, которые так уверенно в очередной раз подхватывают этого ребенка. Вижу, как он поправляет ей челку — машинально, как-будто по привычке.

Нет. Я знаю, что мой муж безумно любит детей, но все это так... странно.

Я не могу есть. Не могу пить. Каждый его смех, каждое движение — как нож.

Дочь пытается спасти вечер. Ее подружки приходят к нам, и комната наполняется девичьим смехом, но он звучит где-то далеко, будто через толстый слой ваты.

Я улыбаюсь. И чувствую, как внутри меня медленно разливается лед.

Я сижу, словно прикованная к стулу, наблюдая, как Юля грациозно поправляет салфетку на коленях. Ее маникюр идеален. Нежно-розовый, с жемчужным блеском. Такие ногти не сделаешь, когда возишься с маленьким ребенком. Значит, у нее есть время на салоны. И помощь.

— Знаешь, Свет, — ее голос звенит, как хрустальный колокольчик, — я до сих пор помню, как с Викулей все получилось буквально с первого раза! — она смеется, и этот смех заполняет всю комнату. — Мы даже не планировали особо, просто... бац! И вот она уже здесь! Моя малышка.

Мои пальцы сжимают край стола так сильно, что фаланги белеют. Я вспоминаю наши с Сергеем бесконечные походы по врачам, горы таблеток, ночи, проведенные в слезах. И этот... этот банальный “бац”. Родственники притихают. Мира осторожно уводит подруг к себе в комнату.

— Ой, а со вторым вообще смешно получилось, — Юля продолжает, осторожно подмигивая Сергею через стол, но я замечаю это. — Один незапланированный вечер, и... ну ты поняла! — она поглаживает живот с преувеличенной нежностью.

Сергей откашливается, его глаза бегают по комнате, избегая моего взгляда.

— Юль, может, не стоит... Все же сегодня день рождения моей дочери, — начинает он, но она уже разошлась.

— Что не стоит? Правду? Да я же просто рассказываю. Мы так давно со Светой не общались, хочу поделиться с ней своей радостью, — она делает удивленные глаза, полные фальшивого непонимания. — Света же взрослая женщина, она все понимает. Правда, Свет?

Я чувствую, как по моей спине пробегает холодная волна.

— Конечно, — отвечаю я, и мой голос звучит чужим, плоским.

Юля наклоняется ко мне через стол, ее духи — что-то сладкое, удушливое. Они заполняют мое пространство.

— Ты знаешь, я вот думаю..., — шепчет она наигранно заботливо. — Может, тебе стоит сходить к моему врачу? Она просто волшебница! Вот у моей подруги тоже были проблемы, а после ее курса — раз и двойня!

Мира неожиданно возвращается в комнату.

— Мама, помоги мне на кухне, пожалуйста. Там Лиля попросила еще твоего фирменного салата, — говорит она, и я вижу, как ее глаза блестят от невыплаканных слез.

Но Юля не останавливается.

— Ой, простите, я, кажется, задела болезную тему, — она прикладывает руку к губам в фальшивом жесте раскаяния. — Просто мне так жаль, что у тебя не получилось со вторым... Это же так прекрасно — чувствовать, как внутри тебя растет новая жизнь.

Я вижу, как Сергей напрягается. Его пальцы барабанят по столу нервной дробью.

— Юля, хватит, — говорит он сквозь зубы.

— Нет, правда, Свет, ты даже представить не можешь! Вот я сейчас, на пятом месяце, а он уже такой активный! Каждую ночь пинается, не дает спать, — она смеется, бросая взгляд на Сергея.

В моей груди что-то ломается.

— Мама, — Мира снова тянет меня за рукав, ее голос дрожит. Я вижу, как она ненавидит эту женщину в этот момент. Ненавидит ее за меня.

Но я не могу встать. Я прикована к этому месту, к этому кошмару.

— А знаешь, я уже думаю о третьем, — продолжает Юля, наслаждаясь моментом. Она поворачивается к моему мужу. — Сережа, представляешь, трое детей? Это же так здорово! Насколько я помню, вы со Светой еще в молодости мечтали о большой семье. Чтобы ваш дом был полной чашей.

Сергей улыбается. Не той усталой улыбкой, которой встречал мои попытки заговорить о втором ребенке после десятой неудачной попытки ЭКО. Нет. Сейчас его лицо озаряется настоящей радостью. Только эта радость натянута и он не может ее скрыть.

— Да, это... это прекрасно, — говорит он, и в его глазах я вижу то, чего не видела уже много лет — надежду, счастье, жизнь.

— Прекрасно, — повторяю я, и мое шампанское вдруг обретает вкус пепла.

Юля удовлетворенно откидывается на спинку стула.

— Ну конечно, не всем дано, — говорит она с фальшивым сочувствием. — Но ты хотя бы попробовала, и это главное. Да и у тебя есть Мирочка!

Она произносит имя моей дочери с какой-то снисходительной нежностью, будто говорит о кошке или собаке. Мира вздрагивает, ее губы дрожат.

— Да, — говорю я, поднимаясь на ноги, которые вдруг стали ватными. — У меня есть Мира. И этого достаточно.

Но Юля уже не слушает.

— Извините, — говорю я, и мой голос звучит странно ровно. — Мне нужно помочь Мире.

На кухне я вдруг понимаю, что не могу дышать. Воздух не проходит в легкие. Стены смыкаются. Где-то далеко Мира зовет меня, но ее голос доносится как сквозь толщу воды.

А из комнаты доносится смех. Их смех. И звонкий голос ребенка, который в очередной раз зовет моего мужа “папой”, а гости от этого начинают смеяться еще сильнее. Словно ничего не видят. Словно все происходящее вокруг лишь нелепый детский лепет.

Визуализация героев

Давайте знакомиться!

Светлана. Любящая жена и прекрасная мать для своей единственной дочери.

Сергей. Мужчина...или... Это уж вы решите сами, кто он после своего поступка))

Мирослава. Дочка Светланы и Сергея.

Как вам герои? Надеюсь, понравились ;)
 Ну, а, если история вас зацепила, то я буду очень рада любой вашей поддержке. Комментарии и звезды приветствуются и добавляют вам +1 к карме))) А если еще добавите книгу в библиотеку... то я буду на седьмом небе от счастья. Всех обнимаю ♥#

Глава 3

Света

— Мам, что все это значит? — Мира хватает меня за руку, когда мы остаемся одни в нашей крохотной кухне. Ее пальцы холодные от стресса. Привычная реакция ее организма.

— Самой хотелось бы знать.

Все внутри меня сотрясается. Мне не показалось. Не привиделось и слова дочери это подтверждают.

— Вот, возьми, — я отрешенно протягиваю ей салатницу, но Мира не берет ее. Смотрит на меня глазами, полными недоумения, и не моргает.

— Мама, я все еще хочу верить в то, что мы придумали то, чего нет. Ну, это же наша Юлия. Она бы не смогла. И папа... он... он бы так не поступил с тобой.

— И я хочу в это верить, Мира, — отвечаю, но прекрасно понимаю, что это не так. — Давай вернемся.

Я возвращаюсь за стол. Гости беззаботно болтают, но то и дело осторожно поглядывают в мою сторону. Они тоже заметили это? Или знали? Натянута улыбаюсь всем, пока в груди зияющая дыра.

Бокал в моей руке становится влажным от конденсата. Я ставлю его на стол, оставляя мокрый круг на идеально выглаженной скатерти. В гостиной пахнет свежими розами, жареной уткой и детским шампунем, который я не покупала. Этот сладковатый запах вьелся в одежду Сергея уже довольно давно, но только сейчас я понимаю почему.

— Папа! — снова раздается детский голосок, и мой желудок сжимается в тугом спазме.

Сергей берет ребенка на руки с такой естественностью, которая режет мне душу. Его пальцы, привычные к хирургическим инструментам, так уверенно поддерживают маленькую спинку.

Я видела эти же руки, держащие нашу Миру совсем младенцем, семнадцать лет назад. Только тогда на его лице не было этой странной смеси вины и... нежности.

— Ой, опять! — Юлия бросает мне быстрый взгляд, но ее голос звучит натянуто. Она поправляет складки платья на своем округлившемся животе, и это движение кажется мне слишком демонстративным.

— Викуля, солнышко, давай к маме. У тебя уже глазки слипаются, — мягко говорит она и девочка послушно перебирается к ней. Устраивается на диване и прикрывает глаза.

Мира стоит рядом со мной, ее пальцы нервно перебирают край нового платья. Я вижу, как дрожит ее подбородок, как она кусает губу, точь-в-точь как в детстве, когда пыталась не заплакать.

Гости продолжают веселиться, но атмосфера уже изменилась. Шампанское в моем бокале давно выдохлось, пузырьки осели, оставив после себя плоский, кисловатый вкус. Я машинально подношу бокал к губам, просто чтобы чем-то занять руки.

Сергей слишком часто бросает взгляды в сторону Юли. Его смех звучит громче обычного, неестественно. Он рассказывает какой-то анекдот, но его глаза бегают по комнате, останавливаясь на спящем ребенке, потом на Юле, потом мельком на мне.

— Мама, ты стала совсем бледная? — Мира берет меня за локоть. Ее пальцы холодные, несмотря на жару в комнате. — Может, приляжешь?

Я качаю головой.

— Все хорошо, дорогая. Просто устала с утра готовить.

Но это не усталость. Это что-то другое. Что-то, что ползет по спине холодными мурашками, когда я вижу, как Сергей поправляет одеяльце на ребенке. Как он машинально проверяет, не жарко ли ей, прикладывая ладонь ко лбу, точно так же, как делал с Мирой, когда она болела.

Вечер тянется мучительно долго. Каждый смех, каждый звон бокалов режет слух. Я ловлю себя на том, что считаю, сколько раз Сергей подошел к ребенку. Сколько раз их взгляды с Юлей пересеклись. Сколько раз Мира тревожно посмотрела в мою сторону.

Когда гости начинают расходиться, ребенок уже крепко спит, свернувшись калачиком на диване. Сергей осторожно берет его на руки, и в этот момент я вижу что-то в его глазах. Что-то такое, чего я никогда не видела, когда он смотрел на Миру.

— Светик, ты не против, если я уложу ее у вас в комнате? — Юля стоит слишком близко к Сергею, и я замечаю, как ее рука на секунду касается его предплечья.

Глупость. Этого просто не может быть. Я все себе напридумывала. Это мои личные комплексы из-за того, что я не смогла так легко забеременеть вторым малышом.

— Не против. Ребенку не место в таком шуме, — отвечаю, чувствуя, как сердце ускоряет свой ход.

— Я отнесу, — тут же говорит Сергей, и в его голосе звучит что-то новое, какая-то защитная нотка.

Мира хватается за руку, когда они уходят.

— Мам... я не понимаю. Это же... мам, этого же не может быть, — ее голос дрожит. Я вижу, как широко раскрыты ее глаза, как учащенно бьется жилка на шее. Моя девочка совсем не глупая. Она чувствует то же, что и я, только я всячески стараюсь отогнать от себя эти мысли.

— Как бы я хотела в это верить, — шепчу я, и мои ноги сами несут меня к спальне.

Дверь слегка приоткрыта, словно кто-то специально не закрыл ее до конца, а за ней доносится шепот:

— Юль, ты совсем рехнулась? Зачем ты приехала? Могла же сказать, что занята! А если она все поймет? — Сергей шепчет резко, и в его голосе слышится страх, которого я никогда раньше не слышала.

— Сереж, а чего ты боишься? У нас второй малыш скоро родится, а ты и с первым видишься только по графику. Понедельник, среда, четверг. Этого мало, ты же понимаешь? Вика скучает по тебе. Спрашивает, когда вернется папа. Что я должна придумывать каждый раз? Она становится старше и начинает все осознавать, — Юля говорит это с такой уверенностью, что у меня перехватывает дыхание.

Понедельник, среда, четверг. Именно те дни, когда мужа «оставляют на дежурства».

— Это твои дети, Сережа. Твоя жена. Давай ты уже решишь с ней все вопросы. Я устала быть на втором плане. Твоя дочь выросла, а наша еще совсем малышка. Ей нужен отец. А твой сын? Ты подумал о нем?

Я отступаю на шаг назад, натываясь на Миру. Ее лицо белое, как мел. Она все слышала. Точно так же, как и я.

Бокал выскальзывает из моих рук и с дребезгом разбивается о пол. Звон бьющегося стекла разносится по квартире, и в этот момент дверь полностью распаивается. Мы стоим лицом к лицу — я, Мира, Сергей и Юля. В воздухе повисает тяжелое молчание.

Из гостиной доносятся голоса оставшихся гостей. Их смех звучит так нелепо, так неуместно в данной ситуации.

Сергей делает шаг вперед.

— Света, я...

Но слова застревают у него в горле. А я смотрю на этого человека. На моего мужа, уже как двадцать лет, и понимаю, что совсем его не знаю.

Глава 4

Света

Пол подо мной будто уходит вниз. Я чувствую, как холодная волна поднимается от живота к горлу, оставляя после себя ледяное онемение. Но мое лицо — непроницаемая маска спокойствия. Двадцать лет брака научили меня скрывать эмоции лучше любого актера.

— Мама, — Мира обнимает меня со спины, и ее пальцы впиваются в мои плечи. Я чувствую, как она дрожит. Моя взрослая, почти независимая девочка, которая минуту назад смеялась за праздничным столом, сейчас трясется как ребенок. — Мама, дыши... Пожалуйста, дыши...

Я киваю, делаю глубокий вдох. Где-то в глубине сознания отмечаю, что воздух пахнет шампанским, чем-то детским, горьким, незнакомым. Страхом. Предательством.

Сергей делает шаг вперед. Юлия первая нарушает тишину.

— Ой, Светочка, мы просто..., — ее голос звучит фальшиво-весело, но я вижу, как ее пальцы судорожно сжимают край кофточки.

— Света, Мира, что вы здесь делаете? — голос мужа звучит фальшиво, как плохая пародия на заботливого отца. Глаза бегают между нами и дверью, за которой еще остались гости. Даже сейчас он все еще надеется сохранить лицо. Все еще верит, что может успеть и туда, и сюда.

— Говори, — мой голос звучит странно ровно. — Мы слушаем. Расскажи нам о своем... своих, — исправляюсь, опуская взгляд на живот Юли. — Расскажи нам о своих детях, Сережа.

Сергей делает шаг вперед, его руки дрожат.

— Света, давай поговорим позже... не сейчас. Немного позже. Когда гости разойдутся. Сегодня праздник. День рождения Миры. Давай не будем его портить? Я понимаю, как все выглядит, но...

Мира взрывается, не давая ему договорить. Ее слезы летят брызгами, когда она резко поворачивается к отцу.

— Папа! Ты хоть понимаешь! Это был первый чертов день рождения в кругу семьи за последние годы! Первый раз, когда ты не сбежал на “срочную операцию”! И ты... ты..., — ее голос срывается, руки сжимаются в кулаки. — Ты его испортил! Все испортил! Благодаря тебе я буду ненавидеть свой собственный день рождения до конца своих дней!

Сергей протягивает руку, но мы с Мирой одновременно отшатываемся.

— Проваливай, — звучит наш дуэт. Ее голос звонкий, сдавленный слезами. Мой — тихий, мертвый.

Юлия в это время с полным спокойствием собирает вещи, прижимая к себе проснувшегося ребенка. Малышка хнычет, не понимая, почему праздник так внезапно закончился. Я вижу, как Сергей косится в их сторону, и в его взгляде тревога, растерянность, но... Кроме этого, есть еще что-то еще. Что-то теплое. То, чего я не видела в его глазах, когда он смотрел на нас с Мирой, уже давно.

— Я все объясню, — бормочет он, но его глаза снова бегут к двери, где остались коллеги, друзья, наша общая жизнь. Он буквально разрывается на части, и это зрелище одновременно отвратительное и жалкое.

Мира плачет. Не тихо, не красиво. Ее слезы текут ручьями, нос краснеет, голос прерывается.

— Я не хочу тебя видеть, папа. Уходи. Просто... уходи отсюда.

Я обнимаю дочь, чувствуя, как колотится ее сердце, как учащенно она дышит. Мои пальцы автоматически гладят ее волосы. Так же, как когда она была маленькой и пугалась

грозы. Но сейчас я не могу сказать, что все будет хорошо. Потому что не знаю. Впервые в жизни не знаю.

Сергей стоит перед нами, его дорогой костюм, который я выбирала к юбилею клиники, теперь кажется пошлым фарсом.

— Я... Света, я вернусь завтра. Мы все обсудим и...

— Пап, значит, это правда?! — голос Миры внезапно срывается. Я слышу в нем столько боли, что ощущаю ее практически на физическом уровне. — Это... это твой ребенок?! Нам с мамой не показалось.

Юля нервно поправляет волосы. Смотрит на мою дочь, и я готова закрыть ее собой, только чтобы их взгляды не пересекались. Чтобы эта стерва не причинила еще больше боли моей дочери.

— Мирочка, дорогая, давай не будем..., — вмешивается Юля. — Мы же с тобой так хорошо общались раньше. Давай не будем портить эту традицию.

— Не смей так называть мою дочь! — рычу я, выступая вперед и впервые за вечер вижу испуг в глазах Юли.

Сергей протягивает руку к Мире.

— Дочка, я могу все объяснить...

Но она отшатывается, как от огня.

— Не трогай меня! Ты... ты..., — ее дыхание сбивается, по щекам текут слезы. — Как ты мог?! Мама... она же...

— Уходи, — говорю я все так же тихо. Все так же мертво. — Забирай свою... любовницу и уходи, пока я не спустила ее с лестницы.

Муж тяжело вздыхает. Он знает, что я не шучу. Знает, что я могу это устроить. Он смотрит на меня, на Миру, потом поворачивается к Юле и берет вещи их ребенка. Привычно. Так, как-будто делает это всегда.

Дверь за ними закрывается, и все превращается в сплошной шум.

— Светик, а ты чего это... Батюшки, как же так? — кто-то из родственников выходит к нам, обращает внимание на разбившийся бокал у моих ног, но сегодня разбился не только он. Разбилась вся моя жизнь. Разлетелась на сотни осколков. — Вот, держи новый, а я тут сейчас все быстренько уберу. Мира, солнце, где у вас веник?

— Т-там, — пересохшими губами шепчет она.

Я смотрю на свое отражение в бокале. Бледное лицо, слишком плотно сжатые губы, глаза... Боже, в моих глазах столько боли, что я отворачиваюсь.

Бокал летит в стену с глухим звоном. Хрусталь рассыпается на тысячи осколков, как наши с Сергеем мечты, как мои надежды, как его клятвы.

— Ой, Светик. Ты чего сегодня такая неловкая? — раздается голос родни, но он доходит до меня как сквозь вату.

— Мама, — Мира прижимается ко мне, и я чувствую, как моя взрослая, независимая дочь, вдруг снова стала той маленькой девочкой, которую нужно защищать. — Что мы будем делать?

Я крепче обнимаю ее, целую в макушку. Впервые за вечер слезы подступают к моим глазам, но я их не выпускаю. Не сейчас. Сейчас я нужна Мире. Я должна стать ее опорой и поддержкой. А я... я дам волю своим эмоциям, но позже.

— Не знаю, солнышко, но мы справимся. Обязательно справимся.

За окном хлопает дверь машины, слышен рев двигателя. Я не подхожу к окну. Не смотрю вслед. Потому что знаю, что он не оглянется. Он уже сделал свой выбор. Давно сделал.

— Праздник окончен, — рвано шепчет моя дочь, когда мы возвращаемся в комнату. Несколько пар глаз поворачиваются в нашу сторону с каким-то странным пониманием. Будто все родственники знали правду, и только я и моя дочь оставались в неведении.

Они не спорят. Ничего не спрашивают. Все как один молча поднимаются, собирают свои вещи и оставляют нашу квартиру. В немом молчании. В полной тишине.

Дверь за последним гостем закрывается, и я внезапно чувствую себя опустошенной. Мы садимся на полу среди осколков хрусталя, осколков нашей прежней жизни.

Мира всхлипывает у меня на плече. Я глажу ее по спине, напеваю песенку, которую пела ей в детстве. И понимаю — теперь мы только вдвоем. Только я и моя дочь.

Мои прекрасные!
Если вам нравится эта история, то не забудьте поставить звездочку и подписаться на автора. Проверьте, чтобы ваши кнопочки были таким же цветом как на картинке ниже. Ваша поддержка очень помогает книге продвигаться, а мне воодушевляться и радовать вас новыми главами))

Глава 5

Света

Тишина в доме давит на уши, как вата. Только тиканье часов на стене, да редкие всхлипы Миры, которая наконец-то уснула у меня на руках. Ее дыхание неровное, прерывистое, будто даже во сне она не может убежать от этого кошмара. Я сижу на полу, прислонившись к дивану, и чувствую, как затекает рука, как ноет спина. Но я не двигаюсь. Не смею.

Я оглядываю комнату. Всё застыло в каком-то сюрреалистичном безвременье. На столе — нетронутая утка с хрустящей корочкой, над которой я так долго колдовала утром. Рядом стоит салат “Оливье”, где морковь аккуратно выложена сверху, как любит Мира. Бокалы с остатками шампанского, в которых уже нет пузырьков, стаканы с соком. Даже торт с семнадцатью свечами стоит нетронутый — мы так и не спели ей “Happy Birthday”.

Как так получилось? Когда всё пошло не так?

Вопросы выжигают все изнутри.

Может, когда Сергей начал задерживаться на работе в те самые “понедельники, среды и четверги”? Или когда перестал смотреть мне в глаза во время секса? А может, всё началось ещё раньше. В тот день, когда врач сказал нам, что второго ребёнка, скорее всего, не будет, он отвернулся к окну, а его плечи вдруг ссутулились, будто под невидимым грузом.

Мира всхлипывает во сне, и её тело дёргается. Я автоматически начинаю гладить её по спине, как когда она болела в детстве.

Когда мой муж впервые поцеловал Юлю? Когда впервые назвал того ребенка своей дочерью?

Меня начинает тошнить. Ком застревает в горле и категорически отказывается проваливаться.

Я смотрю на спящую дочь. Ее лицо, обычно такое живое, сейчас бледное, с запекшимися слезами на щеках. Эта сильная девочка, которая последний год доказывала мне, что она уже взрослая — своими дерзкими фразами, своими решениями, своей упрямой независимостью, — сейчас снова маленькая. Беспомощная.

И я не могу ее защитить. Не могу сказать, что все будет хорошо. Потому что не знаю. Впервые в жизни я не знаю.

Мира шевелится, ее веки дрожат. Она просыпается.

— Мама..., — её голос хриплый, будто она кричала часами. — Скажи, что это страшный сон.

Я молчу. Мой язык будто прилип к нёбу. Я хочу солгать. Хочу сказать, что это просто дурной сон, что мы проснемся и все будет как раньше.

Но это не сон.

Это реальность.

Горькая. Ужасная. Наша.

— Mam, посмотри на меня! — она вдруг садится, её пальцы впиваются в мои плечи. — Скажи, что это неправда! Что, папа не... что этот ребёнок не...

Её глаза — точная копия Серёжиных и сейчас они полны такой боли, что мне хочется закричать. Но я только качаю головой.

— Мирочка...

— Нет! — она вдруг бьёт кулаком по дивану. — Не может быть! Mam, мы же... мы же нормальная семья! Мы не как у Лильки! Мы...мы не будем такими.

Её голос срывается, и она снова падает мне на грудь. Я чувствую, как её слёзы просачиваются сквозь ткань моего платья.

— Мам..., — она задыхается между рыданиями. — Ты же не уйдёшь от папы? Пожалуйста... Я не хочу быть как Лилька. Не хочу делить праздники. Не хочу... не хочу выбирать между вами...

Моё сердце разрывается.

Я вспоминаю Лилу. Ту самую подругу Миры, чьи родители развелись некоторое время назад. Мира тогда приходила из школы в слезах:

“Мама, они заставляют её выбирать, с кем она хочет жить! А она не может выбрать! Она любит их одинаково. Это ее родители, как тут можно выбрать?”

Я видела, как моя дочь сжимала кулаки, когда Лиля рассказывала ей на кухне про то, как папа купил ей новый iPhone, чтобы “переманить” на свою сторону. Как она рассказывала, что ненавидит эти их “воскресенья с папой”.

И вот теперь...

Мира шевелится, её веки дрожат.

И теперь моя девочка смотрит на меня тем же взглядом. Взглядом полным ужаса перед будущим.

— Я не хочу жить на две семьи! Я не хочу, чтобы вы с папой делили меня как вещь.

Мира вдруг становится очень тихой.

— Мама..., — она смотрит на меня, и в её глазах вдруг появляется что-то взрослое, страшное. — Если ты уйдёшь от папы... я...

Она не договаривает, но я понимаю. Она боится остаться одна.

Боится, что её, как Лилу, будут тянуть в разные стороны. Что ей придётся скрывать от отца, что она скучала по маме. Что ей запретят говорить мне о том, как она провела выходные с ним.

Я обнимаю её так крепко, что у неё перехватывает дыхание.

— Я никогда не заставлю тебя выбирать, — шепчу я ей в волосы. — Никогда.

Но что я могу обещать? Я не знаю. Не знаю, как жить дальше. Не знаю, как сказать ей, что её страх уже стал суровой реальностью от которой, к сожалению, никто не застрахован. Что мы уже стали “как у Лильки”.

И от этого знания мне хочется разбить все оставшиеся бокалы. Но я просто сижу. Держу свою девочку. И молчу.

Потому что иногда молчание — единственное, что остаётся, когда кажется, что мир вокруг рушится, но на самом деле он просто резко меняет свою конфигурацию, как калейдоскоп после щелчка.

Глава 6

Света

Руки действуют на каком-то автоматизме. Я собираю со стола грязные тарелки, перекалываю остатки салата. Машинально. Без эмоций, без чувств. Мира крутится рядом, но ее движения заторможенные. Она будто не со мной. Не здесь. Не в этой квартире, в которой все перевернулось вверх дном.

— Вот, — она протягивает мне чей-то полупустой бокал, и я вижу, как ее руки дрожат.

Мы уносим все на кухню, и я понимаю, что единственное, что осталось от нашей семьи — это горы немытой посуды.

Вода из крана бьет слишком горячая, но я не смешиваю ее с холодной. Пусть обжигает кожу, оставляя красные пятна на кончиках пальцев. Эта физическая боль ничто по сравнению с тем, что творится у меня внутри. Я сжимаю губку так сильно, что из нее вытекает мыльная пена, смешиваясь с остатками праздничного салата.

Остатки “оливье” плавают в раковине. Я так тщательно нарезала ингредиенты сегодня утром, стараясь сделать всё идеально для Мириного дня рождения. Для дня, когда мы наконец-то можем собраться всей семьей.

Теперь кусочки картофеля и моркови выглядят как жалкие обломки нашего счастья. Я смываю их в сливе, наблюдая, как они исчезают в черной дыре, словно последние двадцать лет моей жизни.

Мира молча ставит рядом стаканы. Ее пальцы дрожат так сильно, что стекло звенит, ударяясь о мраморную столешницу. Она больше не плачет. Не кричит. Просто выполняет действия, будто заведенная кукла. Каждый вздох дается ей с усилием, будто она поднимает тяжесть.

— Мама..., — её голос звучит хрипло, как после долгого крика. — Я клянусь, я не знала. Если бы хоть что-то подозревала...

Я замираю. Вода продолжает литься, обжигая мне пальцы.

Она прерывается, сжимая стакан так, что мне кажется, он вот-вот треснет. В её глазах стоит такое отчаяние, что мне хочется схватить её и бежать куда глаза глядят, подальше от этого кошмара.

— Когда я спрашивала про её мужа, она только отмахивалась, — продолжает Мира, и её голос срывается. — Говорила, что он вечно на работе, что не любит шумные компании... Я думала... Я думала, она просто стесняется...

Тарелка выскальзывает у меня из рук и разбивается о каменную раковину с пронзительным звоном. Осколки разлетаются в разные стороны. Я касаюсь самого крупного, и он разрезает кожу, но я даже не чувствую боли. Только вижу, как капля крови смешивается с потоком воды.

— Я верю тебе, — говорю я, и это единственная правда в этом кошмаре. Моя девочка с её честными глазами и непоколебимыми принципами не могла участвовать в этом предательстве.

Мира внезапно обнимает меня со спины, прижимаясь лицом к моей лопатке. Её слёзы горячие, они просачиваются сквозь тонкую ткань моего платья.

— Он... он же объяснит? — шепчет она, и в её голосе столько детской надежды, что у меня перехватывает дыхание. — Должно же быть... какое-то объяснение...

Я медленно поворачиваюсь к ней, беру её лицо в ладони. Её кожа холодная, несмотря на то, что на кухне душно. Моя дочь — копия своего отца. Только в ее взгляде теперь боль, которой не должно быть в семнадцать лет.

— Конечно, — лгу я, глядя её по волосам.

Но мы обе знаем правду. Второй ребёнок. Они ждут второго ребёнка. Это не случайность, не минутная слабость. Это — осознанный выбор. Новая семья. Настоящая семья, в отличие от нашей — с её несостоявшимися мечтами о втором ребёнке, с её тихими вечерами, когда муж “задерживался на работе”.

Мира отстраняется, отодвигает меня в сторону и принимается собирать осколки разбитой тарелки. Её пальцы дрожат, когда она подбирает каждый кусочек. Она всегда была такой — аккуратной, ответственной. Всю жизнь старалась быть достойной дочерью своего отца-хирурга.

— Я всегда так хотела стать хирургом, как он, — вдруг говорит она, и в её голосе я слышу что-то навсегда сломанное.

Моё сердце сжимается. Она столько лет равнялась на него, гордилась им, рассказывала друзьям о его операциях. А теперь...

— Ты ещё станешь, — твёрдо говорю я. — Только теперь ты им станешь, не потому что твой отец, какой-то там хороший специалист, а потому что сама этого хочешь. Не ради него. Ради себя.

Ночью она приходит ко мне, как в детстве, когда боялась грозы. Её ноги холодные, когда она забирается под одеяло. Она прижимается ко мне, пряча лицо у меня в плече, и я чувствую, как её ресницы мокрые от слёз.

— Мам... а что будет теперь? — её вопрос повисает в темноте между нами.

Я смотрю в потолок, где играют отблески уличных фонарей. Где-то там, за окном, мой муж сейчас с ними. Со своей новой семьёй. Своим любимым ребёнком. Своим будущим.

— Будем жить, — отвечаю я, целуя её в макушку.

И это всё, что я могу ей пообещать. Потому что сама не знаю, как жить дальше. Как просыпаться по утрам. Как смотреть в зеркало. Как дышать.

Вода в ванной капает из незакрученного до конца крана. Где-то за стеной едет лифт. Мира тихо всхлипывает во сне, её пальцы судорожно сжимают край моей пижамы.

А я лежу и думаю о том, что завтра мне предстоит самое сложное. Открыть глаза и осознать, что это не кошмарный сон. Что мой муж — отец другого ребёнка. Что моя дочь больше не смотрит на него с обожанием. Что наша семья — это всего лишь немытая посуда, разбитые тарелки и пустой дом, где больше не будет его вещей в шкафу.

Я закрываю глаза, но перед ними снова и снова всплывает картина: Сергей берёт на руки ту малышку, а в его глазах та самая нежность, которую я не видела уже много лет. Та нежность, с которой он когда-то смотрел на нашу новорожденную Миру.

И внезапно я понимаю, что самое страшное не в том, что он изменил. А в том, что он ушёл. Ушёл давно. Я просто не хотела этого замечать.

Глава 7

Света

Щелчок замка разрывает тишину квартиры, и я тут же открываю глаза. Сон мгновенно растворяется в утренней тишине. Я прислушиваюсь к каждому звуку. Его шаги — все те же, размеренные и уверенные, какими были и двадцать лет назад. Скрип третьей половицы у входа, которую мы так и не починили. Легкий звон ключей о металлический крючок. Все как всегда. Все как будто ничего не произошло.

Я лежу неподвижно, чувствуя, как Мира крепче вцепляется в меня во сне. Ее дыхание, ровное и спокойное, обжигает мне шею. Как сказать ей, что человек, которого она боготворила, вернулся? Что за этой дверью не просто папа после дежурства, а предатель, лжец, чужой человек?

Чайник на кухне начинает шипеть, и это привычное звучание вдруг становится невыносимым. Сколько раз я радостно встречала утро, слушая этот звук? Радуюсь, что муж дома, что мы вместе? Теперь он режет слух, как нож по стеклу.

Осторожно высвобождаюсь из объятий дочери. Она хмурится во сне, и ее пальцы судорожно сжимают ткань простыни, но она не просыпается. Во сне ее лицо кажется детским, беззащитным. Совсем не таким, каким было вчера — искаженным от боли и непонимания.

Я выхожу в коридор. Останавливаюсь у зеркала — мельком вижу своё отражение: растрепанные волосы, тени под глазами, губы, сжатые в тонкую белую полоску.

Когда я стала такой? Когда превратилась в эту изможденную, постаревшую на десять лет женщину?

Его шаги доносятся из кухни. Я иду на звук, как на эшафот. Открываю дверь и аромат свежего кофе проникает в легкие.

Сережа стоит ко мне спиной. Его плечи — все те же, знакомые до боли. Широкая спина, которую я так любила обнимать. Руки сильные, уверенные, с длинными пальцами хирурга, которые умели так нежно касаться.

— Доброе утро, — говорит он, оборачиваясь.

Его голос. Его взгляд. Все как всегда.

— Будешь кофе?

Я замираю. На мгновение мне кажется, что вчерашний кошмар — просто дурной сон. Что ничего не случилось. Что мы все еще семья. Но потом я вижу его правую руку. На безымянном пальце нет обручального кольца.

Он улавливает мой взгляд. Откашливается. Его рука ныряет в карман брюк. Секунда и обручальное кольцо снова на его пальце.

Он снимал его ради нее. Ради той, с кем провел эту ночь. Чтобы не напоминать ей о своем семейном положении.

— И это все, что ты можешь мне сказать? — мой голос звучит холодно, хотя внутри все горит. Я буквально задыхаюсь от пожара в груди. — После того, как вчера та девочка назвала тебя папой перед всеми нашими гостями? После того, как я узнала, что моя сестра ждет от тебя второго ребенка?

Он театральнo закатывает глаза и делает глубокий вдох, как будто я — капризный ребенок, который мешает ему работать.

— Светуль, давай без истерик. Ты всегда все драматизируешь.

— Без истерик? О, прости. Ты прав. Что-то я придумала себе повод для ссоры на ровном месте, — я чувствую, как смеюсь, но звук, вырывающийся из моей груди, больше похож на предсмертный хрип.

— Света...

— Я забыла, что измена — это обычное дело. Особенно с моей сестрой. Особенно когда у тебя уже есть один ребенок от нее.

— Давай не будем. Вчера выдался довольно сложный... вечер, — договаривает он, спустя пару секунд напряженного молчания.

— Сережа, ты изменил мне с моей сестрой! У вас ребенок! Второй на подходе! И ты говоришь мне “без истерик”? Говоришь про сложный вечер?

Он ставит чашку на стол, кофе расплескивается, оставляя темные пятна на белоснежной скатерти.

— Это всего лишь небольшая ошибка. Все исправимо.

— Ошибка? — мой голос теперь звенит, как натянутая струна. — Три года лжи — это ошибка? Ребенок — ошибка? Беременность — ошибка? Что еще, Сережа? Может, наш двадцатилетний брак — тоже ошибка?

Он пожимает плечами, берет сахарницу. Его движения спокойные, размеренные. Как будто мы обсуждаем, кто сегодня будет выносить мусор, а не крушение нашей семьи.

— Ты все усложняешь. Я же сказал — все можно исправить.

— Как? — я хватаюсь за край стола, потому что ноги больше не держат. — Как ты собираешься это “исправить”? Затолкаешь вашего ребенка обратно? Сотрешь Юле память? Или, может, сотрешь меня и Миру из своей жизни?

Он наконец поднимает на меня глаза, и в них нет ни сожаления, ни раскаяния. В них только явное раздражение.

— Хватит кричать, Света. Мирослава спит. Подумай о нашей дочери.

— О, теперь ты заботаешься о Мире? — шепчу я, но от этого мои слова становятся только ядовитее. — А когда ты изменял ее матери, когда заводил вторую семью, тогда ты думал о ней? О том, что будет, когда она узнает?

Его лицо искажается. На секунду мне кажется, что он сейчас разобьет свою чашку об стену. Но вместо этого он молча ставит ее в раковину.

— Прекрати драматизировать. Я не собираюсь это обсуждать в таком тоне. Когда успокоишься, тогда и поговорим.

Я смотрю на него и вдруг понимаю, что не знаю этого человека. Этот спокойный, уверенный мужчина не тот Серёжа, который плакал, когда впервые взял на руки Миру. Не тот муж, который держал меня за руку после очередного “у вас не получится” у гинеколога.

Это кто-то другой.

Я чувствую, как по моей спине пробегает холодная волна. Он действительно не понимает. Не понимает, что сломал не просто брак, он сломал меня, нашу дочь. Нашу жизнь. Все, что было для меня святым.

— Ты уходишь, — говорю я, и мой голос звучит чужим. — Сегодня. Прямо сейчас.

Он застывает на месте. Потом медленно поворачивается ко мне.

— Ты серьезно?

— Я еще никогда не была так серьезна.

Он отталкивается от столешницы. Делает шаг в мою сторону. Его лицо наконец теряет спокойствие.

— Света, давай поговорим как взрослые люди. Без эмоций.

— Без эмоций? — я чувствую, как слезы текут по моему лицу, но даже не пытаюсь их смахнуть. — Ты предал меня. Предал нашу дочь. Завел ребенка с моей сестрой. И ты хочешь, чтобы я говорила об этом “без эмоций”?

Он делает шаг ко мне, и я невольно отступаю. Этот жест как нож в сердце. Я никогда не боялась своего мужа. До сегодняшнего дня.

— Мира..., — начинает он.

— Мира остается со мной, — перебиваю я, и мой голос дрожит. — Ты не отнимешь у меня дочь.

Его лицо меняется. Глаза становятся холодными, чужими.

— Света, не глупи.

— Сережа, убирайся из нашей квартиры. Иди к Юле. Иди к ее детям, которым “так нужен отец”. Иди на работу. Хоть куда, но только уходи. Оставь нас в покое. Я не отдам тебе дочь. Ни сейчас, ни когда ей исполнится восемнадцать.

— Это мы еще посмотрим. По закону у нас равные права.

В его глазах появляется что-то новое. Что-то опасное. И я понимаю, что он действительно готов бороться за Миру. Не потому что любит ее. А потому что не может проиграть. Никогда и ни в чем. Потому что хочет сделать мне еще больнее.

Из коридора доносится шорох. Мира стоит в дверях, ее лицо мокрое от слез.

— Папа..., — ее голос дрожит. — Это правда? Ты... ты правда... Юля и ее дочь вы...

Он поворачивается к ней, и его выражение мгновенно меняется. Становится мягче, теплее.

— Дочка... давай поговорим...

Но она отступает от него, как от огня.

— Уходи, — шепчет она. — Пожалуйста, папа... просто уходи.

Его лицо искажается. На секунду мне кажется, что он заплачет. Но вместо этого он резко разворачивается. Выходит в коридор, хватается за ключи.

— Я позвоню, — бросает он на ходу.

Дверь захлопывается с таким грохотом, что вздрагивают стекла в окнах.

Тишина.

Мира падает на колени посреди кухни и начинает рыдать. Я подхожу к ней, опускаюсь рядом, обнимаю. Ее тело сотрясают судороги, слезы текут ручьями.

— Все будет хорошо, — шепчу я ей в волосы, целую макушку. — Все будет хорошо.

Но мы обе знаем, что это ложь. Потому что ничего уже не будет “хорошо”. Только “по-другому”.

Глава 8

Света

Тишина после хлопнувшей двери кажется оглушительной. Я стою посреди кухни, слушая, как затихают шаги в подъезде. В воздухе висит горький запах остывшего кофе, смешанный с кислотой предательства. Потом что-то щелкает внутри меня. Какая-то пружина, сжимавшаяся все эти годы, наконец распрямляется с такой силой, что я чувствую физическую боль в груди.

Я иду в спальню. Наша спальня. Точнее, уже не наша. Просто комната с большой кроватью, на которой я спала одну большую часть последних двух лет, действительно веря в его “ночные дежурства” и “срочные операции”.

Дура. Наивная дура, которая искренне верила, что мой муж “не такой”. Что он меня любит.

Открываю шкаф. Его половина. Аккуратно развешанные рубашки, костюмы, свитера. Пахнет его одеколоном — тем самым, который я выбирала ему на день рождения три года назад. Помню, как он улыбался, когда пробовал его в магазине. Как сказал:

“Ты всегда лучше знаешь, что мне подходит”.

Беру первый попавшийся чемодан с верхней полки. Он пыльный. Мы не путешествовали вместе очень давно. Последний раз — пять лет назад, в Прагу. Мире было двенадцать, она всё время жаловалась, что скучает по дому.

Начинаю сбрасывать вещи внутрь. Не аккуратно, как раньше, когда собирала его в командировки — с любовью, с заботой, вкладывая в каждый сверток всю свою любовь. Нет, теперь я срываю с вешалок, комкаю, швыряю в чемодан с такой силой, что ткань рвётся.

— Мама, перестань! Немедленно перестань!

Мира врывается в комнату, её лицо искажено гневом. Она хватается меня за запястья так сильно, что на коже остаются красные следы.

— Оставь его вещи в покое! Ты не имеешь права!

Я вырываюсь, продолжаю своё. Беру его любимую рубашку — ту самую голубую в белую полоску, в которой он был в нашем последнем отпуске.

— Он предал нас! — мой голос срывается на крик, грубый и незнакомый. — Ты что, не понимаешь? Три года лжи! Три года он спал в одной кровати со мной, целовал меня, говорил, что любит, а потом шёл к ней! К моей сестре!

Мира вдруг бросается между мной и чемоданом, выхватывает из моих рук рубашку, прижимает её к груди, как дорогую реликвию.

— Ты не можешь просто взять и выбросить его вещи! Это его собственность! Ты что, совсем рехнулась?

— Я не выбрасываю, а помогаю ему собраться. Мира, пойми уже. Твой отец уйдёт. Даже не так. Я его прогоню. Он не будет жить с нами. Ты не маленькая, должна меня понять, — говорю я, пытаюсь взять себя в руки. Вижу, как дрожит её подбородок, как наливаются слезами глаза. — Он уже сделал свой выбор.

— Нет, мама! — она трясет головой, слезы летят во все стороны. — Он не уйдёт! Он всё объяснит! Мы всё решим! Надо просто успокоиться и поговорить как взрослые люди! Нам всем надо успокоиться.

Я делаю шаг к ней, касаюсь её плеч. Они холодные, напряженные, как у загнанного зверька.

— Мира, ты же взрослая девочка. Умная. Ты же понимаешь, что ничего не будет как прежде. Понимаешь же, что он предал нас. Скоро у него будет ещё один ребёнок. Это не шутка, не минутная слабость.

— Я не буду его делить! — она кричит так, что, кажется, стекла задрожат. — Пусть он будет и там, и здесь! Почему я должна страдать из-за его ошибок? Я тоже его дочь! Он и мне нужен!

Я смотрю на неё и чувствую, как земля уходит из-под ног. Она не просто защищает его — она переходит на его сторону. Моя девочка, которая всего час назад рыдала у меня на плече, теперь смотрит на меня с обвинением.

— Ты должна бороться за него! — она хватается за руки, ее ногти впиваются в мою кожу. — Ты его жена! Двадцать лет вместе! И ты просто так отпустишь его? К той... к той...

— Мира! — я пытаюсь остановить ее, но она не слушает.

— Нет! Ты должна отнять его у неё! Вернуть в семью! Ты всегда все портишь! Всегда при первой же проблеме опускаешь руки! — она бьет кулаком по комоду, и фотография в рамке падает со звоном.

Меня будто обливают ледяной водой. Это не её слова. Это его фразы, его упреки, которые я слышала все эти годы. Когда предлагала взять отпуск и поехать куда-нибудь вдвоём, но у него постоянно возникали какие-то трудности, а оказывалась виноватой я. Потому что ему было так удобно.

— Я не хочу, чтобы он ночевал здесь, а потом уходил к ней! — кричу я в ответ, чувствуя, как слезы душат меня изнутри. — Я не буду делить своего мужа с другой женщиной! Тем более с собственной сестрой! Тем более, когда у них дети!

— А как же я?! — её голос срывается на визг. — Я что, должна буду выбирать, у кого проводить выходные? Как Лилька? Делать вид, что рада видеть его новую семью?! Целовать эту тварь в щеку и играть с её ребёнком?!

Она падает на кровать, рыдая. Её тело сотрясают судороги, она бьется головой о его подушку.

— Я не хочу... не хочу терять папу..., — она всхлипывает, уткнувшись лицом в ткань, которая до сих пор пахнет им.

Я смотрю на нее и не понимаю, что происходит. Ладно, стресс. Каждый реагирует на него по-своему, но сейчас ее поведение — верх эгоизма. Она отказывается слышать меня. Понимать. Она как заведенная сходит с ума по отцу-предателю.

— Мам, может, это временно? Может, он одумается? Может, ты просто недостаточно старалась его удержать?

Последняя фраза повисает в воздухе острым ножом. Я отступаю, будто получила пощечину.

— Что? — шепчу я. — Что ты сказала?

Мира поднимает на меня заплаканное лицо, и в её глазах горит странный, недетский огонь.

— Ну, может, если бы ты была внимательнее к нему! Не только готовила и убирала, а интересовалась им! Говорила с ним! Может, тогда бы он не пошёл к другой! Или ребенок. Мам, может, если бы ты родила ему второго ребенка, то он бы так не поступил. Ты же знаешь, как сильно он хотел еще детей. Знаешь же, что он всегда мечтал о большой семье.

Я чувствую, как почва уходит из-под ног. Это не просто защита отца — это обвинение меня. Прямое и беспощадное.

— Ты... ты действительно так думаешь? — мой голос звучит хрипло. — Что это я виновата в том, что он изменил мне? С моей сестрой? Завёл второго ребёнка?

Она молчит, но её взгляд говорит всё за нее. Да. Да, она думает именно так.

— Мира..., — я пытаюсь подойти, но она отшатывается.

— Уходи! — кричит она. — Оставь меня! И его вещи тоже оставь! Ты не имеешь права решать одна за нас троих!

Она ложится на кровать, обнимает его подушку и замирает, отвернувшись к стене. Её плечи вздрагивают от беззвучных рыданий.

Чемодан стоит посреди комнаты, полупустой. Я смотрю на него, потом на спину дочери. И понимаю — сегодня я не смогу его собрать. Потому что некоторые вещи нельзя просто взять и выбросить из жизни. Даже если очень хочется.

Но самое страшное не чемодан. Самое страшное, что я, кажется, только что потеряла не только мужа. Но и дочь.

Глава 9

Света

Три дня. Семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать минут. Именно столько времени прошло с того момента, как моя дочь в последний раз сказала мне что-то кроме “да”, “нет” и “не знаю”. Три дня ледяного молчания, которое давит на уши громче любого крика.

Я молча собираюсь на работу. Те самые три заветных выходных, которые я выбила себе на работе ради Мириного дня рождения, пролетели в каком-то адском калейдоскопе. Не праздник, а сущий кошмар, от которого не скрыться даже во сне.

Кофе в моей любимой кружке, той, с соевой, которую Мира подарила мне на прошлый день рождения, давно остыл и покрылся неприятной маслянистой плёнкой. А я никак не могу заставить себя сделать хотя бы глоток. В горле стоит ком, тяжёлый и колючий, как булыжник.

В голове до сих пор звенят ее слова:

“Может, ты просто недостаточно старалась его удержать? Может, тебе стоило родить?”

Будто это был мой выбор. Мое решение. Так решила судьба, и я не смогла с ней спорить.

За что Мира так со мной? Как она могла? Нет, это не моя девочка. Не та умная, чуткая девочка, которая в семь лет отдала своё новое платье бездомной собаке, чтобы та не мёрзла. Это в ней говорит боль, страх, обида. Она перенервничала, поэтому наговорила лишнего. Она одумается. Обязательно одумается. Всё будет как прежде.

Или я стараюсь выдавать желаемое за действительное, чтобы не испытывать еще больше боли?

Как же хочется верить в то, что я ошибаюсь. Что это в ее крови бурлит юношеский максимализм, избалованность единственного ребенка, а не лицемерие и эгоизм.

Сегодня я спала на диване в гостиной, как и все дни после ухода Сергея. Она в нашей с Сергеем спальне. Дверь была заперта, но я слышала, как она ворочалась, как тихо плакала в подушку. Каждый её вздох отзывался во мне острой болью.

Дверь спальни со скрипом открывается и выходит Мира. Заспанная, в моём старом растянутом свитере, который она когда-то утащила себе “для настроения”. Глаза заплаканные, красные. На щеке красуется след от складок на наволочке.

— Доброе утро, — осторожно говорю я, пытаюсь поймать её взгляд. — Хочешь, я сделаю омлет? Как ты любишь?

Она не отвечает. Проходит мимо, словно я пустое место. И нет, она не услышала. Она игнорирует. Я видела, как она вздрогнула от звука моего голоса, как ее плечи напряглись. Она слышала. И сознательно выбрала молчание.

Она идет в ванную. Я слышу, как включается вода. Потом выходит, направляется на кухню. Молча наливает себе чай из остывшего чайника. Отрезает огромный кусок торта, того самого, с семнадцатью свечами, которые так и не зажглись.

— Мира, поешь нормально, — тихо говорю я. — Там есть творог, ягоды. Торт на завтрак — не самая лучшая идея.

Тишина. Она разворачивается и уходит обратно в комнату, прихватив с собой тарелку с тортом. Дверь снова закрывается. Не хлопнула. Закрылась. Тихо, вежливо, окончательно.

Неужели она действительно винит во всём именно меня? Во лжи отца? В его предательстве? В том, что наша семья разлетелась в щепки?

Собираюсь на работу на автомате. Чищу зубы, одеваюсь, собираю волосы. Из зеркала на меня смотрит незнакомка с потухшим взглядом. В груди та самая пустота, которую не заполнить ничем. Странно, что сердце всё ещё бьётся, а лёгкие дышат. Кажется, внутри меня уже всё умерло.

Прихожу на работу в свою любимую кондитерскую. Запах ванили, свежей выпечки, шоколада. Обычно этот аромат мгновенно поднимает мне настроение, но сегодня он кажется приторным, тошнотворным.

— Света! Ну наконец-то! — Лидка, моя коллега, бросается ко мне, сияя, как и всегда.

— Ну как? Как праздник? — подхватывает новенькая Аня.

— Ты же так его ждала! Рассказывай всё! Дочка обрадовалась? — тут же высовывается наша заведующая. — Сергей помог? Фото показывай!

Девочки окружают меня со всех сторон, любопытные, веселые, живые. Их лица расплываются передо мной в цветное пятно. Я пытаюсь улыбнуться, сказать что-то. Но ком в горле сжимается так сильно, что не прохохнуть.

— Всё... всё хорошо, — выдавливаю я. Голос звучит хрипло, чуждо.

— Светик, что-то случилось? — осторожно спрашивает Лида.

— Нет, просто было так шумно и многолюдно, что я не до конца еще отошла.

Они отступают, уловив что-то не то. Меняют тему, начинают задавать вопросы о работе, о заказах. Я отмахиваюсь, бормочу что-то невнятное и пробираюсь к своему рабочему месту.

Мне поручили двухъярусный торт. На серебряную свадьбу. Двадцать пять лет вместе. Как символично. Чья-то любовь прошла проверку временем, а моя рассыпалась в прах.

Пытаюсь отвлечься, уйти в работу. Но пальцы не слушаются. Вместо сахарной пудры сыплю в крем соль. Путаю порядок слоёв. Дважды перезапускаю миксер, забыв положить ингредиенты.

Застываю со взбитыми сливками в руках. Смотрю на них, и перед глазами встаёт картина:

Сергей держит на руках ту девочку. Его любящий взгляд в сторону Юли. А она смеется и гладит свой беременный живот.

— Света.

Чья-то рука ложится мне на плечо. Я вздрагиваю, и чаша со сливками едва не падает на пол.

Наша начальница, Анна Викторовна, смотрит на меня с беспокойством.

— Зайди ко мне, — говорит она тихо, но твёрдо. — Нужно поговорить.

Я киваю, отставляя чашу в сторону. Мои руки дрожат, но я понимаю — сейчас всё станет ещё хуже. Но уже всё равно.

Глава 10

Света

Кабинет Анны Викторовны пахнет кофе и старой бумагой. Она указывает мне на стул, а сама садится напротив. Заваленный бумагами стол между нами как баррикада.

— Света, я вижу, что ты сама не своя. Мы работаем вместе не первый год. Давай начистоту, что случилось? — ее голос мягкий, но в глазах деловая хватка. — Ты вся на нервах. Только вышла на работу после выходных, а уже как в тумане. Это заметно невооруженным глазом и совершенно на тебя не похоже. Ты всегда сосредоточена и сконцентрирована.

Я опускаю голову, перебирая складки на фартуке. Мука осыпается на пол мелкими белыми пятнами.

— Всё нормально, — бормочу я. — Просто устала. День рождения дочери выдался не из легких.

— Не ври мне, — она качает головой. — Мы вместе работаем больше десяти лет. Ты была первой, кого я приняла на работу. И я вижу, когда у человека всё “нормально”, а когда он на грани. Ты сегодня соль вместо сахара чуть не насыпала в заказ на годовщину, а там не простые люди. Ты представляешь, что бы произошло, если бы я не проверила?

Я молчу. В горле снова тот самый ком.

— Свет, ты же понимаешь, — она вздыхает, — я не могу допустить тебя до работы в таком состоянии. Кондитер — это не просто профессия. Это ответственность. Что, если ты перепутаешь ингредиенты и добавишь что-то в гипоаллергенный торт? Или, не дай Бог, нож в торте забудешь? Ты представляешь какой нас будет ждать скандал? Наше имя на слуху. Мы не можем так рисковать.

Слёзы наконец прорываются наружу. Я отворачиваюсь, пытаюсь их смахнуть, но они текут ручьём, оставляя на щеках белые дорожки от муки.

— Давай так, — говорит Анна Викторовна, протягивая мне коробку салфеток. — Я пока прикрою тебя. Даю тебе еще три дня. Три дня на то, чтобы разобраться со своими проблемами. Привести себя в порядок. Потом возвращаешься, и я должна видеть тебя, а не твой призрак. Договорились?

Я киваю, не в силах вымолвить ни слова.

— Хорошо. Сегодня заканчивай с основой для торта на годовщину и передавай остальное девочкам.

Выхожу из кабинета, стараясь не смотреть ни на кого. Но девочки уже тут как тут. Лидка, Аня — они все смотрят на меня с таким участием, что становится не по себе.

— А ну, иди сюда! — Лидка хватается меня за рукав и усаживает на стул у большого деревянного стола, где мы обычно собираемся на перерывы. — А ну, выкладывай. Мы тут не чужие. Столько всего вместе прошли. Что стряслось?

Они окружают меня плотным кольцом. Их лица — добрые, встревоженные. И я не выдерживаю. Слова, как прорвавшая плотину вода, вырываются наружу. Я рассказываю абсолютно всё. Про Юлю. Про ребёнка. Про второго ребенка. Про то, как Мира теперь меня ненавидит. Про то, что я три дня сплю на диване, а мой муж, скорее всего, в постели у моей сестры.

Говорю, задыхаясь, срываясь на крик, потом переходя на шепот. Потому что слова требуют выхода. Потому что в груди всё сжимается до боли. Потому что мне надо это выплеснуть, кому-то рассказать, пусть осудят, пусть скажут, что дура, но мне нужно это сказать. Высказаться, чтобы все, что сидит внутри, перестало меня пожирать.

Я договариваю, и в кондитерской повисает гробовая тишина. Я жду всего, но никак не того, что девочки буквально разделятся на два лагеря.

Лидка хлопает ладонью по столу, отчего подпрыгивают формочки для кексов.

— Всё! Хватит! Немедленно к юристу! Подавать на развод и делить всё, что можно поделить! А этого... этого козла забыть, как страшный сон! Да чтобы он со своей любовницей и их незаконнорожденными детьми к тебе на порог не смел являться!

Но Ирочка, которая наконец-то оторвалась от коржей и слышала всё, качает головой.

— Лида, не горячись. Света, дорогая, все мы люди. Все ошибаются. Ну погулял мужчина, подумаешь. Ты же знаешь, как он детей хотел. А ты не могла. Вспомни, сколько ты мне про это говорила. Так считай, они за тебя работу сделали. У тебя же теперь есть Мира, и всё хорошо. А ему нужны наследники. Считай, все в плюсе.

Я смотрю на них — на этих двух сильных, умных женщин, которые вдруг стали говорить на абсолютно разных языках. И понимаю, что не могу принять ни одну из этих точек зрения. Ни яростное осуждение Лиды, ни циничное примирение Иры.

Потому что где-то там есть моя дочь, которая разрывается между любовью к отцу и ненавистью ко мне. Потому что где-то там мой муж, который, возможно, сожалеет. Потому что предательство — это не математическая задача, у которой есть одно правильное решение.

— Я... я не знаю, — тихо говорю я. — Мне нужно время.

Лидка обнимает меня за плечи.

— Правильно, Свет. Время. Тебе нужно время, чтобы выгнать его к чёртовой матери!

Ира кладёт руку мне на голову, как ребёнку.

— Время тебе нужно, чтобы всё обдумать. И простить.

А я сижу между ними и чувствую, как трескается не только моя семья, но и всё, во что я верила. И я не понимаю, что из этого больнее.

Глава 11

Света

Я возвращаюсь домой на полном автоматизме. Шарканье подошв по подъезду. Щелчок ключа в замке. Здесь все еще пахнет домом. Тем, к которому я привыкла. Ничего не изменилось. Кроме того, что стало тихо. Настолько тихо, что звенит в ушах.

Я снимаю обувь. Подхожу к двери нашей с Сережей спальни. Дергаю ручку, но там заперто.

— Мира, давай поговорим, — предпринимаю последнюю попытку к общению с дочерью, все еще веря в то, что так на ней сказался стресс.

Прислушиваюсь. Она там. Я слышу, как скрипнула кровать. Как она тяжело задышала, но в ответ тишина. Как и утром, когда я уходила на работу.

Я ложусь на диване, уставившись в потолок. Тело будто налито свинцом, хотя я сегодня почти ничего не делала — только доехала до работы и вернулась обратно.

Дверь в нашу спальню открывается, и я тут же поднимаюсь. Шаги Миры раздаются по квартире. Она идет на кухню. Хлопок холодильника и снова все погружается в тишину.

— Мира, сейчас не время, чтобы показывать свой характер, — я выхожу в коридор.

Мы с ней встречаемся взглядом на пару секунд. Я успеваю заметить чемодан Сережи. Он так и стоит посреди нашей спальни. Она его не трогала. Он стоит там, как памятник нашему распавшемуся браку, полуоткрытый, с торчащим рукавом той самой голубой рубашки.

— Нет, — твердо чеканит она и вновь запирается в нашей комнате.

Возвращаюсь обратно. Потолок расплывается перед глазами. Все так изменилось. В доме, где я была так счастлива, сейчас витает такое напряжение, что я буквально задыхаюсь.

В голове, как заевшая пластинка, крутятся слова девочек с работы.

“Прости его... Ты же знаешь, как он детей хотел...”

Простить? Я закрываю глаза, пытаюсь представить, как такое возможно. Как можно простить человека, который три года лгал тебе в глаза. Который спал с твоей сестрой. У которого скоро родится второй ребёнок от неё.

Нет. Я не смогу. Если бы это была мимолетная связь на стороне...

Хотя и здесь вряд ли я смогла бы. А уж тем более сейчас. Это не ошибка. Это осознанный выбор. Новая жизнь. Новая семья. Без меня.

“Немедленно к юристу! Подавать на развод!”

Да, наверное, это единственный выход в нашей ситуации. Адвокаты, раздел имущества, суды... Мы же практически всё вместе нажили. Квартиру, машину, дачу... Придётся делить все. Становится страшно и одновременно тошно от одной только мысли.

Но больше всего страшно за Миру. За нашу дочь, которая оказалась между двух огней. Которая сейчас ненавидит меня за то, что я не хочу бороться за её отца-предателя. Моё материнское сердце разрывается на части, когда я думаю о её глазах, полных боли и упрёка.

Руки сами тянутся к телефону. Я даже не осознаю, когда он оказывается у меня в пальцах. Яркий свет экрана режет глаза в полумраке комнаты.

Пальцы сами набирают в поиске: “развод с мужем”.

Поиск выдаёт десятки форумов, сайтов юридических контор, статей с советами психологов. Я машинально тыкаю на первый попавшийся форум.

И замираю.

Передо мной сотни... Нет, тысячи историй. Одна больше другой.

“Муж ушёл к лучшей подруге, когда я была на пятом месяце...”

“Обнаружила переписку в телефоне. Оказалось, у него вторая семья в соседнем городе...”

“После пятнадцати лет брака сказал, что разлюбил и ушел к двадцатилетней...”

Я читаю. Читаю одну историю за другой. И происходит странное. Мне становится... легче. Не от того, что кому-то так же плохо, как мне. Нет. А от того, что я не одна.

Нас таких — тысячи. Женщины, которые верили, любили, строили семью, а потом в один день всё рухнуло. И они выжили. Нашли в себе силы встать, отряхнуться и жить дальше.

Одна девушка пишет: “Сначала думала, умру от боли. Не представляла жизни без него. А сейчас, спустя год, понимаю — это было лучшее, что могло со мной случиться. Я заново открыла себя. Нашла работу мечты. Увлелась танцами. И счастлива, как никогда”.

Другая: “Сначала боролась за него. Унижалась, умоляла. Потом поняла, что нельзя заставить человека любить. Отпустила. Теперь он иногда приходит к детям. И мы даже можем выпить вместе чашечку чая без ссор и обид. Другая жизнь. Но тоже жизнь”.

Я читаю до глубокой ночи. Слезы то наворачиваются на глаза, то высыхают сами собой. Грусть постепенно сменяется странным спокойствием.

Я понимаю, что будет больно. Очень больно. Что, придётся через многое пройти. Раздел имущества, слёзы Миры, косые взгляды родственников.

Но я смогу. Я не одна. И это не конец. Это начало новой жизни. Пусть пока страшной и непонятной. Но другой.

Я откладываю телефон, поворачиваюсь на бок и закрываю глаза. Впервые за три дня в груди нет той всепоглощающей паники. Есть усталость. Пустота. Но и крошечная, слабая надежда.

Я переболею. И смогу.

Не забудьте заглянуть в мою новинку:

<https://litnet.com/shrt/qdyU>

— У нас будет ребёнок! — объявляю я на весь зал в наш самый важный день.
 Воздух замирает. Мой муж не улыбается. Он медленно бледнеет. А из-за его спины доносится тихий, ядовитый смех его помощницы.

 — Ой, а разве Леша тебе не сказал? Ты опоздала. Лет так на пять. У него уже есть сын. Точнее у нас. У нас с НИМ уже есть сын.

 Всё рушится в одно мгновение. Идеальный брак, общий бизнес, десять лет брака и борьбы за ребёнка — всё это оказалось постройкой из песка. Иллюзией, которую он поддерживал все эти годы.

Глава 12

Света

Ночь. Тишина в квартире кажется неестественной, звенящей. Я ворочаюсь на диване, пытаюсь найти удобное положение, но оно ускользает. Подушка то слишком мягкая, то слишком жёсткая, одеяло душит. Это не моя постель. Не наша.

Страх. Он подползает бесшумно, как холодный туман. Окутывает с головой, пробирается под кожу, сжимает горло. Будущее. Какое оно теперь? Я останусь одна? В этой квартире, где каждый уголок напоминает о нём? О нас?

Мысли путаются, цепляются за прошлое, как за якорь. Воспоминания всплывают яркими, болезненными вспышками.

Как он добивался меня. Стоял под окнами с гитарой, пел дурацкие песни собственного сочинения. Писал стихи. Стелил под ноги свое пальто, чтобы я не намочила ноги в луже. Смотрел на меня так, будто я единственная женщина на свете.

А оказалось, что не единственная, а всего лишь одна из многих.

Вспоминаю, как он клялся в любви. Говорил, что будет любить меня вечно. Что мы пройдем через всё. Что кроме меня ему никто не нужен. Что я — его свет в конце тоннеля.

Как такое возможно? Как человек, который говорил такие слова, мог так поступить? Разве такой, умный, уважаемый хирург, спасающий жизни, мог вот так обмануть, предать, растоптать?

Он же всё понимал. Знает, что такое боль. Видит её каждый день на операционном столе. Как он мог сознательно причинить её мне? Своей жене? Матери своего ребёнка?

И ещё... еще и ссылаться на мою боль. На нашу общую боль.

“Ты же знаешь, как я хотел детей”.

Да, хотел. Мы оба хотели. Мы вместе плакали после каждой неудачной беременности, после каждой неудачной попытки ЭКО. Он держал меня за руку, когда врачи говорили, что больше пытаться бессмысленно. Говорил, что у нас есть Мира, и этого достаточно. Говорил, что справимся со всем.

Оказывается, недостаточно. Оказывается, он хотел большего. Настолько сильно, что был готов ради этого разрушить всё. Нашу семью. Моё доверие. Веру нашей дочери в отца.

Слёзы текут по вискам, впитываются в подушку. Я не смахиваю их. Пусть текут. Всё равно уже не скрыть. Не притворяться же сильной перед самой собой.

За стеной слышен шорох. Мира. Она тоже не спит. Что у неё в голове? Ненависть ко мне? К отцу? К обоим сразу? Как помочь ей пережить это, да и стоит ли вообще после ее слов? Я не знаю. Я сама едва держусь.

Постепенно слезы иссыкают. Остаётся пустота и горькая, холодная ясность.

У меня нет другого выхода. Не может быть.

Нельзя простить такое. Нельзя забыть. Нельзя сделать вид, что ничего не случилось, и продолжать жить как прежде. Спать с ним в одной кровати, целовать, когда он возвращается с дежурства. Зная, что у него есть другая женщина. Другой ребёнок. Другая жизнь.

Я поворачиваюсь на другой бок, смотрю в окно. За шторой уже брезжит рассвет. Небо светлеет, становясь из чёрного тёмно-синим, затем серым.

Мысли, ещё недавно хаотичные, вдруг выстраиваются в чёткую линию.

Развод. Если согласится на мирный, то через ЗАГС. Если нет, то иск в суд. Потом адвокат. Раздел имущества. Отдельная жизнь.

Страшно. Невыносимо страшно. Но и по-другому в моей ситуации — нельзя.

Я закрываю глаза. Впервые за всю эту бесконечную ночь дыхание выравнивается. Сердце бьется ровнее. Я решила, что не прощу. Закрою страницу нашей истории и начну новую. Чистую. Без предательства, лжи и лицемерия.

Засыпаю утром, с одной-единственной мыслью, твёрдой, как камень:

"Другого выхода нет".

Сквозь тонкую пелену наконец-то крепкого сна пробивается звук. Щелчок замка. Тот самый, знакомый до боли. Шаги в прихожей — неуверенные, спотыкающиеся. Это Сергей, но не его обычная, уверенная походка.

"Сон", — проносится в голове обрывком мысли. Не смешной, а ужасный сон.

Пара секунд, и его запах заполняет легкие. Дорогой парфюм, который я всегда любила, теперь смешан с резким, едким духом алкоголя.

Диван прогибается под чьим-то весом рядом со мной. Я чувствую, как большая, тёплая, до боли знакомая рука, касается моих волос. Нежно, почти по-отечески, гладит их.

"Ужасный сон", — снова мелькает в сознании. Кошмар, который рвёт мою душу на части. Но он слишком реален. Слишком осязаем.

Я резко распахиваю глаза, словно на меня вылили ведро ледяной воды. Сердце колотится где-то в горле, дыхание перехватывает.

Моргаю, пытаюсь вернуться в реальность от беспокойного сна.

Рядом со мной, на краю дивана, сидит Сергей. Он смотрит на меня, но его взгляд мутный, нефокусированный. От него пахнет дорогим коньяком и чем-то ещё. Отчаянием? Виной?

— Света..., — его голос хриплый, сдавленный. — Я... я не знал, куда идти.

Он снова касается моих волос, и я замираю, не в силах пошевелиться. Шок парализует.

— Всё... всё пошло не так, — бормочет он, опуская голову. — Я не хотел... не это...

Его плечи вздрагивают. Кажется, он плачет. Мой муж. Сильный, уверенный в себе человек. Плачет у меня на диване, пьяный и разбитый.

Я лежу неподвижно, не дыша. Не зная, что чувствовать. Ненавидеть? Жалеть? Выгнать? Обнять?

В горле встает ком. В глазах снова предательски теплеет.

Но потом я вспоминаю. Всё вспоминаю. Его маленькую дочь. Его беременную женщину. Мою сестру. Слова нашей дочери. Боль. Ту самую, что разрывала меня всего несколько часов назад.

И ледяная волна накрывает с головой.

Я резко отстраняюсь, сажусь, укутываясь в одеяло, как в кокон.

— Уходи, — говорю я, и мой голос звучит тихо, но чётко, как удар хлыста. — Немедленно уходи.

Он поднимает на меня глаза. В них — недоумение, боль, растерянность.

— Но, Свет... Ты же понимаешь, что...

— Уходи, — повторяю я, и каждый звук дается с усилием. — Ты сделал свой выбор. Выбрал мою сестру. Заделал ей два ребенка. Два, Сережа. Ты. Врач, который прекрасно знает, откуда берутся дети. Это было твое решение. Теперь живи с ним.

Он замирает, смотрит на меня несколько секунд. Потом медленно, словно старик, поднимается с дивана.

— Прости, — шепчет он и, пошатываясь, идет в сторону выхода.

Дверь в мою комнату закрывается.

Я остаюсь одна в тишине, слушая, как его шаги стихают за дверью.

И понимаю, что это было последнее испытание. И я его выдержала.

Больно. До слез. До крика. Но я не сломалась.

Я снова ложусь, поворачиваюсь лицом к спинке дивана и закрываю глаза.

Утро будет трудным. И послезавтра будет трудным. И все следующие несколько месяцев связанные с разводом, разделом имущества и прочими проблемами будут невыносимо трудными.

Но я переживу. Обязательно переживу.

Глава 13

Света

Сознание возвращается медленно, сквозь плотную пелену сна. За окном — серый, безрадостный день. Я лежу неподвижно, пытаюсь отделить реальность от ночного кошмара. Его прикосновения, запах дорогого коньяка, смешанный с его парфюмом, хриплый шепот:

“Свет... я не знал, куда идти...”

— Приснится же такое, — пытаюсь убедить себя, отгоняя навязчивые образы. Встаю с дивана, и каждое движение даётся с трудом, будто всё тело залито бетоном.

Иду на кухню, руки предательски дрожат. Это просто сон. Глупый, дурацкий сон, вызванный стрессом.

Но едва я делаю шаг из гостиной, как нога во что-то упирается. Во что-то мягкое, но твёрдое. Я спотыкаюсь, едва удерживая равновесие, и издаю глухой, испуганный звук.

На полу, в проходе между гостиной и нашей с Сергеем спальней лежит мой муж собственной персоной. Он спит, скрючившись в неестественной позе, подложив под щеку свой свернутый пиджак. Его лицо осунулось за ночь, щёки покрыты темной щетиной. Он выглядит потеряннным, незащищенным, совсем не тем уверенным хирургом, каким его знают все вокруг.

В этот момент скрипит дверь нашей спальни. На пороге замирает Мира. Она еще сонная, глаза заплывшие, волосы растрепаны. Она медленно осматривает меня, потом её взгляд падает на фигуру отца на полу. Её глаза расширяются от непонимания.

Сергей ворочается, явно потревоженный нашими звуками. Его рука со всего размаха бьется о стену, когда он переворачивается.

— Чёрт возьми! — его голос хриплый, прокуренный. Он открывает глаза. Сначала в них пустота и растерянность, но вскоре сознание проясняется. Он видит меня, потом Миру. Его взгляд мечется между нами.

— Я вчера четко сказала тебе убираться, — мой голос звучит низко и хрипло, непривычно даже для меня самой. — Что ты здесь делаешь?

Он с трудом поднимается, опираясь на стену и пошатываясь. То ли дело в алкоголе, то ли в том, что он спал в неестественной позе, но это меня совершенно не волнует. Меня волнует другое.

Что он все еще делает здесь?

— Юля..., — тянет он, и у меня подкашиваются ноги. Это имя режет слух, как стекло.

— Чего?! — вырывается у меня слишком резко, хотя я прекрасно все расслышала. — Как ты сейчас меня назвал?

Он зажмуривается, проводит ладонью по лицу, будто пытаясь стереть усталость и хмель.

— Чёрт... прости, Свет, — он делает шаг ко мне, но я отступаю. — Давай поговорим. Нормально, как взрослые люди. Без криков, без сцен.

Во мне что-то закипает. Горячая, густая волна гнева поднимается от самого живота.

— Говорить? — мой голос срывается на высокой ноте. — О чём нам говорить, Сергей? О том, как ты на протяжении трех лет лгал мне в глаза, каждый день, возвращаясь с “работы”? О том, что у моей двоюродной сестры растёт твой ребенок? Или, может, о том, что у вас скоро будет второй? О чём?! Назови мне тему для разговора!

Мира вдруг срывается с места и бросается к нему, обвивая его шею руками.

— Мама, прекрати! Ты что, слепая? Он же сожалеет! Он пришёл! Он здесь! Он хочет всё исправить! — её голос звенит от слез и отчаяния.

Я смотрю на неё, и мне кажется, что я сейчас схожу с ума. Это не моя дочь. Это какая-то одержимая фанатка своего отца.

— Мира, прекрати немедленно! — я почти кричу. — Опомнись! Ты что вообще несешь? Тебе сколько лет? Ты разве не понимаешь, откуда берутся дети?

— Мама, хватит! — она кричит в ответ, и в её глазах читается неподдельная ярость. — Хватит его гнать! Хватит унижать! Дай ему шанс!

Сергей медленно высвобождается из её объятий. Его лицо становится маской спокойствия, но в глазах читается усталость и какая-то безнадежность.

— Мира. Твоя мама права, — его голос тихий, но достаточно твердый. — Я здесь не к месту. Я не должен был здесь оставаться, — он выпрямляется, пытаясь придать себе достоинства. — У вас и без меня всё наладится. Я... я соберу свои вещи и уйду.

Он направляется в спальню, но в этом жесте я вижу только манипуляцию. Холодную, рассчитанную до мелочей манипуляцию. Он делает это специально. Играет на жалости нашей дочери, которая, кажется, растеряла последние частички своего разума.

Мира бросает на меня взгляд, полный такой жгучей ненависти, что мне становится физически больно, и бежит следом за ним.

Я остаюсь стоять посреди коридора. Пара секунд и я на автомате, плетусь на кухню. Руки трясутся так, что я едва могу налить себе кофе. Горячая жидкость проливается на стол, оставляя темное пятно, но я не вытираю его.

Из спальни доносятся приглушенные голоса. Его низкий, усталый баритон и её взволнованный, срывающийся на визг голос. Потом — щелчок застёжек чемодана. Каждый звук как удар молотка по наковальне моего сердца.

— Как же больно, — шепчу я, и это настолько банально, но и настолько правдиво. Как же невыносимо больно принимать, что все действительно кончено.

Сергей выходит из спальни с тем самым чемоданом, который я начала ему собирать. Не смотрит на меня. Его взгляд устремлён куда-то в пол. Он идет к выходу.

Я не двигаюсь с места. Не зову его назад. Не плачу. Просто стою у стола и сжимаю кружку так, что костяшки пальцев белеют, а в висках стучит:

Бракованная, бракованная, бракованная.

Дверь открывается и закрывается. Тихий, но окончательный щелчок замка. Квартира погружается в гулкую, давящую пустоту.

Эту тишину тут же разрывает яростный топот. Мира вылетает из спальни, уже одетая, с рюкзаком, набитым под завязку, в руках.

— Ты куда? — у меня перехватывает дыхание, сердце замирает.

— Я ухожу с папой, — ее голос холодный, ровный, без единой нотки сомнения. — Надеюсь, ты скоро одумаешься и придешь к нам. Вернешь отца в семью. Пока не стало слишком поздно.

— Мира! — в моем голосе слышится чистый ужас. — Ты вообще понимаешь, что говоришь? О чём ты? Зачем мне возвращать человека, который предал меня?

— Мама, ты должна была его остановить! — ее голос снова срывается на крик. — Должна была бороться за него! За нас! А не вышвыривать его, как ненужную вещь!

Я смотрю на нее. На свою девочку, и не узнаю ее. В ее глазах — чужая, жестокая решимость.

— О чём ты? Мира, ты же взрослая, умная девочка. Ты все прекрасно понимаешь! Что за детский максимализм? Он нас предал! Он разрушил нашу семью!

— Потому что ты оказалась бракованной! — выкрикивает она, и это слово повисает в воздухе. Тяжелое, ядовитое, обжигающее. — Он хотел детей! Нормальных, здоровых детей! А ты не смогла! Не смогла дать ему второго ребенка! Вот он и нашел ту, которая сможет!

Я действую интуитивно. Рука сама взмывает вверх, а уже в следующую секунду звук хлесткой пощечины отражается от стен квартиры. Мира округляет глаза. Прикладывает ладонь к щеке.

— Ты..., — ее голос срывается.

— Не переходи границы. Не смей так разговаривать с родной матерью. Я не твоя подружка, чтобы говорить мне подобное, — с расстановкой произношу я.

Она тяжело дышит. Смотрит мне прямо в глаза, а уже в следующую секунду резко разворачивается и выскакивает за дверь, хлопая ей так, что со стены падает рамка с нашей старой фотографией.

И я могла бы ее вернуть, попробовать до нее достучаться, вложить в ее голову, что сейчас она поступает неправильно и думает только о себе, но я не делаю ничего.

Стою на своем месте и смотрю прямо перед собой. Пусть идет. Пусть уходит. Это ее выбор, а я справлюсь. Даже без нее. Без поддержки. Была предана мужем, стала предана еще и дочерью, но на этом жизнь не заканчивается.

Да, больно. Да, страшно, и я чувствую, как не могу дышать, но это не конец. Потому что Мира еще поймет, что в той семье она не нужна. И отцу не нужна. Никому не нужна.

Я остаюсь одна. Возвращаюсь на кухню к кружке с уже остывшим кофе и слушаю, как в подъезде затихают ее быстрые, удаляющиеся шаги.

Слово “бракованная” звенит в ушах, жжёт изнутри, отравляет каждый вздох.

Я медленно, очень медленно опускаюсь на стул. Делаю глоток. Горький вкус возвращает к жизни. Но он не настолько отвратителен, как то, что только что сделала моя дочь.

Она вонзила мне нож в самое сердце. Безжалостно провернула его внутри и ушла. Оставила меня в полном одиночестве, но я не чувствую ничего.

Ничего, кроме всепоглощающей пустоты в груди.

Глава 14

Света

Три дня, данные мне Анной Викторовной, чтобы “привести себя и собственные мысли в порядок”, подходят к концу. Я провела их в странном оцепенении, между приступами слепой ярости и полной апатией. Но сегодня — последний день. Завтра на работу. А значит, сегодня нужно действовать. Пока еще есть время. Пока я готова на решительные действия.

Тишина в квартире давит на уши. Она теперь всегда такая — гулкая, мёртвая. Без голоса Миры, без её музыки, без её смеха. Я включаю ноутбук. Яркий свет экрана режет глаза.

“Адвокат по семейным делам. Развод. Раздел имущества”.

Поиск выдаёт десятки имен, лиц, рекламных слоганов. “Гарантируем результат!”, “Поможем отстоять ваши права!”, “Дело чести — ваша победа!”.

Я кликаю на первый попавшийся сайт. Цены. Они заставляют меня сжаться. Откуда такие расценки? Получасовая консультация адвоката от пяти тысяч. Составление искового заявления — от пятнадцати. Ведение дела — от пятидесяти. А если будет суд? А если он начнет оспаривать? А если борьба за Миру?

Хотя, к чему нам эта борьба? Наша дочь уже все решила. Вонзила мне нож в сердце и умотала к “любимому” папочке, на которого всегда равнялась. И пусть едет. Переживу. Переболею. Поплачу, но со временем смогу принять.

У меня начинает кружиться голова. Я откидываюсь на спинку стула, закрываю глаза. Мы не богачи. Наша квартира, машина, дача — все в свое время было куплено в ипотеку и кредиты. У нас нет лишних денег на адвокатов. Тем более нет таких сумм. Точнее у Сергея-то с его именем, они есть, но я не могу взять на себя такие расходы.

Но и жить так дальше тоже нет никакого желания.

Рука сама тянется к телефону. Пальцы набирают знакомый номер. Сердце колотится где-то в горле. Он поднимает трубку почти сразу.

— Алло? — его голос привычный, спокойный, будто ничего и не случилось.

Я делаю глубокий вдох, заставляя свой голос звучать ровно и холодно.

— Сергей. Это Света.

Короткая пауза. Я слышу, как он откладывает что-то, переключает внимание.

— Свет, что случилось? Мира в порядке?

— Почему ты спрашиваешь? Разве она не у тебя? — спрашиваю я, и в голосе непроизвольно прорывается едкая нотка.

— Прости, я забыл. На работе дел невпроворот.

Забыл про дочь. Как же это на него похоже. Не могу взять в толк, почему она так боготворит своего отца, который напрочь забыл о ней.

Еще одна пауза, более тяжёлая, натянутая.

— Говори, что ты хотела.

— Я окончательно решила подать на развод. Решила начать с тебя. Выбирай, как именно мы это сделаем. По обоюдному согласию. Или с публичным выяснением кто, кому и чем обязан. Выбирай.

Молчание на том конце провода такое густое, что его можно резать ножом. Я слышу его дыхание.

— По обоюдному согласию, — наконец говорит он, и в его голосе слышится усталая покорность. — Я подпишу всё, что нужно. Без проблем.

“Без проблем”.

Как будто речь идет о справке из ЖЭКа, а не о нашем браке. А чего я ждала? Что он будет умолять меня не разводиться? Солгу, если, скажу, что не думала об этом. Но и мое решение окончательное, и я не отступлюсь.

— Отлично, — выдавливаю я. — Тогда я сформирую заявление и подам на развод. Суд вышлет тебе всю дальнейшую информацию. Надеюсь, что ты не “переобуешься” и мы разойдемся спокойно.

— Хорошо.

— И Сергей..., — добавляю я, уже не в силах сдержать яд. — Передай моей “дорогой” сестре, что я желаю ей счастья. И чтобы его хватило на вас двоих. Потому что оно вам пригодится.

— Свет, я...

— Я отниму у тебя все, что причитается мне по закону, — перебиваю его. — Так что если она рассчитывала, что когда уведет тебя из семьи, то в придачу получит все, что мы нажили совместным трудом, то она сильно ошиблась.

Вешаю трубку, не дожидаясь ответа. Руки трясутся. Я делаю несколько глотков воды, но ком в горле не проходит.

Сажусь обратно за ноутбук. Лезу на сайт услуг. Нахожу раздел “Расторжение брака”. Всё расписано чётко, по шагам. Можно спокойно подать через суд в одностороннем порядке.

Выбираю “через суд”. Мире еще нет восемнадцати, а значит будет не так уж легко, но учитывая то, что Сергей согласился с разводом, это значительно облегчает мою ношу.

В каком-то преисполненном состоянии заполняю свои данные. ИНН, паспортные данные, данные о браке... Всё помню наизусть. Семейное положение: “состоит в браке”.

Пока в браке, но скоро все изменится. Жизнь изменится. Я изменюсь. Все будет иначе. Нажимаю “отправить”.

Всё. Я это сделала. Точка невозврата пройдена.

Я откидываюсь на стул и закрываю глаза. В груди не легче. Там по-прежнему горит и болит. Но теперь это не слепая, безысходная боль. Это боль хирургическая — острая, но очищающая. Как рассечение гнойника.

Я справлюсь. Я и не из таких передрыг вылезала, так что развод — лишь еще одна точка. Болезненная, но та которую надо просто пережить.

На следующее утро я встаю по будильнику. Принимаю душ. Делаю макияж — чуть плотнее, чем обычно, чтобы скрыть синяки под глазами от уже хронического недосыпа. С собой беру чистый халат и иду на работу. Все как всегда. Обычное утро, только теперь в нем нет сонной Миры и вечно спешащего на работу мужа.

— Света! Ты вернулась! — Лидка встречает меня у входа, оглядывает с ног до головы. — Ну как ты? Всё... утряслось?

— Всё в порядке, — говорю я, и мой голос звучит на удивление ровно и твёрдо. — Можно приступать к работе.

Я прохожу на свое место. Включаю миксер. Запах ванили и свежего теста сегодня не кажется таким тошным. Это запах моей работы. Моей стабильности. Того, единственного, что осталось у меня от моей прежней жизни.

Я сделала самое сложное. Теперь — только ждать. Ждать и жить дальше. По одному дню. По одному торту. По одному вдоху.

Глава 15

Света

Рабочий день начинается непривычно тихо. Обычно утром в кондитерской стоит весёлый гомон — девочки делятся новостями, смеются, включают музыку. Сегодня ничего такого нет. Все двигаются осторожно, говорят вполголоса, бросают на меня быстрые, скользкие взгляды. Я чувствую себя экспонатом в музее под названием: “Жена, которую бросили, променяв на ту, что поплодовитей”.

Я не подаю вида. Надеваю фартук, мою руки, подключаю все необходимое к питанию. Миксер крутит. Гул машины заглушает тягостную тишину. Я погружаюсь в привычные движения: отмерить муку, просеять, взбить масло с сахаром до белой пены. Это моя медитация. Мой якорь в бушующем море.

Лидка пытается пару раз завести разговор о чем-то отвлеченном — о новом сериале, о погоде. Я отвечаю односложно, но вежливо. Вижу, как она переглядывается с Ирочкой. Они не знают, как себя вести. Жалеть? Делать вид, что ничего не случилось? Я и сама не знаю. Я просто продолжаю, жить как и раньше. Делать вдох, а следом выдох. И пусть пока все в груди болит, но я знаю, что это не вечно.

После обеда Анна Викторовна вызывает меня к себе.

— Садись, Свет, — она указывает на стул напротив. — Как ты?

— В порядке, — отвечаю я, глядя куда-то мимо её плеча.

— Не ври. Я знаю, что такое не проходит бесследно, но... ты определенно выглядишь лучше. Да и держись хорошо для такого удара. Не такая серая. Даже румянец появился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.